

Тема 2

СОИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Изучать язык имеет смысл только в его взаимодействии с культурой, в проекции на нее. Чем же мотивирована необходимость такого соизучения?

В первую очередь тем, что *язык не может существовать вне культуры; язык есть культурно обусловленное явление. А, с другой стороны, культура выражает себя прежде всего на вербальном языке и через него.* В начале XIX в. выдающийся немецкий лингвист Вильгельм Гумбольдт (1767–1835 гг.) обосновал концепцию нерасторжимой связи и взаимообусловленности культуры и языка. По Гумбольдту, культура народа есть его дух, который может воплощаться в самых разнообразных формах, и одной из таких форм является язык. Язык – одна из своеобразных форм творчества народа. Говорить на другом языке означает в то же время иначе видеть мир через призму этого языка. Значительно позже, уже в XX в., была обоснована идея о том, что специфическая форма репрезентации (выражения) явлений реальности средствами языка наложила свой отпечаток или оказала влияние на способ мышления (известная концепция Сепира – Уорфа), одним словом, не только социальная реальность формирует язык и оказывает на него влияние, но существует и обратная связь: язык, создавая своими специфическими средствами особую реальность, оказывает обратное влияние на мышление людей.

Ниже мы приводим фрагмент книги Э. Холла «Как понять иностранца без слов», в которой ученый собрал рассуждения исследователей по поводу обозначенной выше связи:

«Бенджамин Ли Уорф в своей книге «Язык, мысль и реальность» продолжил идеи Боаса. Он разработал положение о том, что каждый язык играет важную роль в формировании восприятия мира у тех людей, которые используют его. Он писал: «Мы рассекаем природу по линиям, в соответствии с нашими языками. Категории и виды, которые мы извлекаем из мира природы, не находятся в ней... Напротив, мир представляется калейдоскопическим собранием впечатлений, которые мы пытаемся организовать нашим сознанием, а затем передать лингвистическими системами нашего языка. Мы разрезаем природу, раскладываем ее по концепциям и приписываем им значения, исходя прежде всего из молчаливого согласия всех членов нашего сообщества, которое закрепляется в языке. Хотя это соглашение не является формальным, но его условия являются обязательными. Мы не можем говорить иначе, как в строгом соответствии с условиями этого соглашения» [6: 272].

Продолжая эту мысль, Уорф писал: «Ни один человек не волен описать природу с абсолютной объективностью. Его ограничивают определенные способы интерпретации реальности, даже когда он думает, что абсолютно свобо-

ден» [цит. по: 6: 272–273]. Так, Э. Холл ссылается на Ф. Боаса, который показал, что восприятие одного и того же явления жизни и природы может быть у разных народов совершенно разным, и эти различия проявляются в лексическом составе языков. Если, например, для большинства американцев снег – явление природы, и словарь определяет его всего двумя словами – *snow* (снег в твердом состоянии) и *slush* (снег как масса тающей слякоти), то на языке эскимосов для обозначения снега существует множество терминов. Каждый из них описывает снег в самых различных состояниях. И разные слова для обозначения снега в эскимосском языке существуют потому, что «для эскимосов снег – это не кратковременное явление природы, а один из важнейших факторов окружающей среды» [6: 271–272].

Необходимость соизучения языка и культуры мотивирована тем, что они *объясняют друг друга, помогают постичь феномен друг друга*. Исследования культуры позволяют ответить на отдельные вопросы о языке, на которые нельзя найти ответ, опираясь *только* на знания о *самом* языке; с другой стороны, в культуре и духе народа есть такие грани и оттенки, которые можно почувствовать *прежде всего* через язык, а – в отдельных случаях – *только* через язык.

К примеру, нельзя глубоко осмыслить значение испанского слова *cortesia*, если опираться только на данные словарей, которые дают его русское соответствие *вежливость*: в испанском языке в понятие, выраженное этим словом, «включается весьма сложное для описания представление о куртуазности, изысканности, рыцарственности, о том, что отличает истинного *caballero*» [2: 143–144]. Опираясь на широкий массив материалов подобного рода, ученые пришли к выводу о том, что классификация лексики, в которую входят три ее разряда – эквивалентная, безэквивалентная и псевдоэквивалентная лексика («ложные друзья переводчиков») – является условной, так как «эквивалентная лексика в прямом смысле этого слова отсутствует» [2: 143]. Так, С.Г. Тер-Минасова, сравнивая русское и британское значения слов *бабушка*, *дом* и других, показала очевидные различия в представлениях, вызываемых этим словом в сознании носителей языков [1].

При этом, безусловно, следует признать, что различные уровни языка и принадлежащие им языковые единицы «обладают разной степенью культурной "наполненности" и культурной обусловленности» [2: 141]. Среди слов с высокой степенью культурной «наполненности» ученые особо выделяют имена, поскольку им принадлежит центральная роль в накоплении и передаче культурной информации [там же: 141–142]. Имена подразделяются на прецедентные, двусторонние, имена, денотаты* которых выступают как эталоны времени, пространства, меры, а сами имена отражают зооморфный и другие ко-

* Денотат – инвариантная, т.е. повторяющаяся, часть значения и формы слова, которая служит основой при образовании новых слов, однокоренных с данным. Например: дружина (воинское объединение, войско князя), друг, дружба, дружеский.

ды культуры, а также абстрактные имена, указывающие на ключевые концепты национальной культуры.

Например, синонимичные абстрактные существительные русского языка *Участь* и *Доля*, первоначально выражавшие идею-концепт *Обладания*, в ходе исторического развития подверглись десемантизации и стали выражать идею *Судьбы*, из чего мы можем заключить, какую важную роль играли представления о собственности и обладании в ходе исторического развития этноса и национальной культуры, поскольку само представление о судьбе человека оформляется через понятие о том, что он имеет, – его собственность.

2.1. Культура о языке

Безэквивалентная лексика и ассоциативные связи, на которых построены многие фразеологизмы и образные выражения, в первую очередь подтверждают тезис о том, что без углубленного знания культуры, обретения так называемых «фоновых знаний», без погружения в нее невозможно понять и, соответственно, научиться к месту употреблять многие слова и выражения, понимать юмор, в них заключенный, ощущать красоту и выразительную силу иноязычной речи, ощутить мудрость народа, их создавшего, и особую энергетику, в них заключенную.

Чтобы понять значение безэквивалентной лексики и многих фразеологизмов, недостаточно только собственно языковых знаний. Так, у французского слова *ambiance*, как известно, нет русского аналога. Значение французского слова мы можем перевести не буквально, а с помощью описания. *Ambiance* – это приятная атмосфера, окружающая человека, приятное окружение. Но русское слово *приятная* не дает нам почувствовать, *в какой мере* эта атмосфера может быть приятной, *что* или *о чем* она может напоминать. Чтобы почувствовать значение этого французского слова, надо понимать нрав и национальный характер самих французов как народа, социального по определению, с очень интенсивной, активной общественной жизнью, расположенностью и потребностью в светском общении, народа, наделенного талантом и владеющего искусством светского общения, умением нравиться и очаровывать. Существование самой реалии духовной жизни рождает в языке слово, которого нет у других народов. Или возьмем, к примеру, русскую идиому «напечь (или наготовить) как на Маланьину свадьбу». Кто такая Маланья? И почему у нее на свадьбе было так много еды? Возможно, что Маланья – невеста одного из русских князей периода Древней Руси. Княжеские пиры, как известно, проводились с большим размахом, демонстрируя всему окружению щедрость их хозяев и устроителей, так как щедрость в этике древнерусского общества почиталась величайшей княжеской добродетелью.

Богатейший материал, доказывающий очевидную необходимость культурологических знаний для понимания языка, дает фразеологический фонд китайского языка. Приведем примеры из дипломной работы выпускницы

Института языковой коммуникации Томского политехнического университета Людмилы Покатиловой:

«Чтобы понять смысл фразеологизма, необходимо знать его культурную подоплеку, другими словами, культурный контекст его возникновения. Например, в китайской культуре высоко ценится образ дракона, китайцы даже называют себя его потомками. В древней натурфилософии дракон является символом мужского начала в природе, символом мужской воли, стойкости, поэтому в именах, которые дают китайским мальчикам, иероглиф 龍 long «дракон» встречается чаще других [Семенов 2000: 131]. Однако в западных культурах дракон не считается священным животным, поэтому представителям западных культур бывает трудно понять смысл таких устойчивых словосочетаний, как 望子成龙 wang zi cheng long (надеяться, что сын превратится в дракона) – надеяться, что сын станет великим человеком, 龙生龙 long sheng long – «у дракона рождается дракон», т. е. у хорошего отца сын хороший [Семенов 2000: 131]; 鱼龙混杂 yu long hun za – «рыба и дракон смешались», т. е. смесь плохого и хорошего (рыба, как и змея, в китайской культуре считаются низменными животными) [新华成语词典: 920]. В понимании европейца эти выражения могут нести отрицательную коннотацию, тогда как для китайца с драконом может сравниваться только сильный, бесстрашный, талантливый человек».

Множество других примеров убеждают в необходимости культурологической компетенции:

- 秀才推磨-不得已而为之 Xiu Cai tui mo – bude yi er wei zhi – «Сюцай крутит жернов – делает что-либо по принуждению». Сюцай – чиновник в древнем Китае, вынужденный выполнять принудительную, часто нежеланную работу. Фразеологизм употребляется по отношению к человеку, вынужденному делать что-либо вопреки собственной воле, в силу сложившихся обстоятельств.

- 瞒天过海 man tian guo hai – «Обмануть императора, чтобы он переплыл море». Источником происхождения данного фразеологизма является притча, в которой рассказывается о том, как советники императора добились того, чтобы он переплыл море, поместив его в дом на берегу, который в действительности был замаскированным кораблем. Фразеологизм употребляется по отношению к действию или поступку, на которые человека заставили пойти, прибегнув к изощренной хитрости.

- «Собака кусает Люй Дунбина» – в значении: не знает, кто хороший. Говорится о незнающем человеке, который не ведает, что творит. Люй Дунбин – мифологический герой, помогающий бедным.

- «Чжу Бацзе бросает вилы, больше не служит». Фразеологизм употребляется в ситуациях, когда говорят о человеке, бросившем работу.

- «Старое жареное печенье». Фразеологизм употребляется по отношению к хитрому, опытному человеку и эквивалентно русскому «тертый калач» – человек хитрый, опытный, бывалый, которого «на мякине не проведешь».

- «Быстрым ножом резать тофу – две поверхности сверкают» – употребляется в значении обладать мастерством, талантом. Чтобы понять значение фразеологизма, нужно знать бытовую культуру Китая, в частности, знать, что это за блюдо – тофу, в чем его особенность и, следовательно, почему необходим особый навык, мастерство, чтобы его разрезать.

- «В сердце иметь рог носорога». Фразеологизм употребляется по отношению к людям, испытывающим чувство глубокой влюбленности. В древней китайской культуре существовало поверие, что рог носорога очень чувствителен.

Как видите, количество и качество приведенных примеров убеждают нас в понимании необходимости овладения культурологической информацией для освоения глубин иностранного (и родного) языка.

2.2. Язык о культуре

С другой стороны, язык является бесценным источником знаний о культуре, помогает открыть в ее понимании новые горизонты. Выдающийся американский антрополог и лингвист Клайд Клакхон, автор всемирно известной книги «Зеркало для человека. Введение в антропологию» (СПб.: Евразия, 1998), подчеркивал роль лингвистических знаний и базы данных для изучения культуры. Ученый писал: «Не существует более полезной информации, чем лингвистические данные»; они указывают «на первичные, бессознательные психологические установки. Более того, большинство конфликтов между группами и народами возникает из-за того, что они говорят на различных языках, как в прямом, так и в переносном смысле» [7: 176], т. е. по-разному видят мир: по-разному категоризируют и классифицируют его явления, выбирают для себя разные ценности и ориентации. Анализ словаря (лексического состава) языка выявляет основные ориентиры культуры и отражает ее историю. Далее, на с. 178–179, ученый приводит примеры.

Значение повторяющихся фразеологических оборотов и словесных клише в том, что они многое объясняют в культурах и в эпохах, вбирают в себя «основные силовые линии и акценты общества, главнейшие культурные интересы», характерные определения возникающих в обществе ситуаций, первичные мотивации. Приведем пример из своего родного, русского языка. Вы наверняка обращали внимание на то, как много в нашем языке однокоренных слов, образованных от слова *воля*, оборотов и клише, в состав которых входит это слово: *неволя*, *невольник*, *жить в неволе*, *вольный казак* (диалектное выражение «Ох, и вольные у них дети!» употребляется в значении избалованные, распущенные), *вольнотпущенный*, *вольнодумный*, *безвольный*, и, наконец, знаменитое *вольная воля*. Последнее словосочетание представляет особый интерес, так как повторение корневой основы отражает усиление качества явления, назы-

ваемого словом: вольная воля выражает эмоциональный порыв народа к обретению какой-то особой, неслыханной воли, которой всегда так не хватало, но стремление к которой составляло главное чаяние нашего народа на протяжении столетий в истории многовековой русской культуры.

Разные формы выражения традиционных жестов приветствия, извинения, выражения благодарности и т. п. отражают существующие в культурах различия. Так, у монголов приветствия и осведомления о делах разнятся в зависимости от времени года: осенью спрашивают «Жирный ли скот?», «Хорошо ли проводите осень?», весной – «Благополучно ли встречаете весну?», зимой – «Как зимуете?» [7: 14]. В этих формулах приветствия отражается социокультурная обусловленность монгольского языка: язык отразил значимость времен года для социальной деятельности человека. Такая особенность свойственна тем языкам, которые выражают культуры с доминированием в социальной деятельности человека аграрного или скотоводческого родов занятий, т. е. сельского хозяйства. Формы приветствия в языке в данном случае отражают аграрный характер культуры. Ф. Фолсом в «Книге о языке» рассказывает, что греки приветствуют друг друга словами «Будь здоровым!», арабы говорят: «Мир с тобой!», а индейцы навахо: «Все хорошо!».

Язык отражает глубинные понятийные образы каждой культуры, которые обладают тенденцией к формированию связной философии, хотя и не осязаемой (см. примеры Клакхона [7: 192, 194 и 197]). Так, ученый показывает, что даже отсутствие отдельно взятой грамматической категории (например, категории будущего времени в языке одного из племен индейцев США) отражает совершенно иной тип мировосприятия по сравнению с народами Запада. Будущее время в восприятии этого народа не существует, а прошлое и настоящее представляют единый, нерасчленимый временной поток; отсюда вытекает важность значения, придаваемого обрядам поклонения предкам: последние продолжают существовать в сознании ныне живущих и определяют успешность их жизни.

Даже употребление личных местоимений может быть символическим знаком, маркирующим культурные и субкультурные различия. Клайд Клакхон показал это на примере использования словосочетаний *Ты* и *Вы* при обращении к богу у католиков и протестантов. Католики употребляют форму местоимения множественного числа, протестанты – единственного, что служит непосредственным подтверждением более короткой дистанции, которую они ощущают в своих взаимоотношениях с богом. Известно, что протестанты в своих молитвах просят бога о самых насущных и чисто практических нуждах, не стыдясь обременить всевышнего такими мелочами, что в глазах людей православных выглядит несколько кощунственно. Форма обращения *Ты* как нельзя лучше отражает больший демократизм и меньшую формализованность протестантизма. Клакхон делает в этом месте ссылку на Мадарьяга, рассматривавшего отдельные слова как ключи к пониманию национальных культур.

Видеть в языке источник для понимания и интерпретации культуры следует еще и потому, что **язык может поставлять материал для суждений об истории культуры**. Будучи, по выражению Эдварда Сепира «наиболее самодовлеющим, наиболее устойчивым и способным к сопротивлению изо всех социальных феноменов», язык обладает известной консервативностью; он «консервирует», сохраняет отраженные в языковом сознании понятия, представления о предметах, реалиях, событиях, явлениях мира, которые уже ушли в историческое прошлое. Хотя этих явлений уже нет в действительности, они продолжают жить в языке, что делает его бесценной кладезью знаний об окружавшем человека мире, о культуре прошлого. **Используя данные языка, можно с их помощью скорректировать или даже пересмотреть концепции формирования и развития культуры, реконструировать картину культурного развития.**

Формируясь и развиваясь, язык сохраняет в «законсервированном» виде события национальной истории, обозначения социально значимых для человека сфер деятельности. Так, этимологические исследования в области лексикологии русского языка показывают, что лексические пласты языка отражают значимость для жизни древнерусского человека таких сфер деятельности, как религия, военное дело, ремесло и развившиеся из него искусства. К примеру, к сфере военного дела и религии восходит значительно большее число слов, чем может показаться на первый взгляд: *опешить* (известны два первоначальных значения: 1) стать пешим, лишиться лошади и идти пешком, пеши; 2) стать в тупик, недоумевать или растеряться, не опознаться, не спохватиться; испугаться, оробеть и потеряться [8: 435]; *вооружиться* (язык до сих пор сохранил первоначальное, буквальное значение – братья за оружие для нападения или защиты, но наряду с ним широкое распространение в настоящее время имеет именно переносное значение – выступать против кого-то, в том числе в идеологическом смысле слова; *ополчиться* (форма возвратного глагола от *ополчить*) – вооружиться, стать воином, поднять народ, образуя рать, войско, составив полки; восстановить против кого-то; враждовать, биться [8: 436]; в языке до сих пор воспринимается как осязаемое происхождение данного слова от *полк*. К сфере религии и военного дела восходит слово *клятва* – божба; присяга; заклинанье; проклятие; обет (церковный или воинский), зарок [8: 325]; затем – всякий обет; налицо – расширение сферы семантики. И таких примеров можно приводить бесконечно много. Все они красноречиво свидетельствуют о том, что язык является ценнейшим источником, позволяющим судить о культуре и жизни его носителей. Поэтому язык является хранилищем культуры. Эта его функция по отношению к культуре является частью метафорического определения языка, которое дала С.Г. Тер-Минасова: «Язык есть **зеркало, орудие и хранилище** культуры». Зеркало потому, что язык отражает характерные особенности культуры, ее самобытность, ее неповторимый национальный облик; орудие потому, что, во-первых, язык защищает культуру от вторжения «чужа-

ков», не владеющих этим языком, и, во-вторых, потому, что помогает культуре реализовать внутринациональные задачи ее существования и развития (в этом смысле слова *орудие* равнозначно *средству*); хранилище потому, что «консервирует» и доносит до потомков уникальные явления и события культуры, названия предметов и реалий, ушедших в историческое прошлое.

С одной стороны, язык можно рассматривать как *одну из специфических форм существования культуры*, и, с этой точки зрения, язык есть неотъемлемая *часть* культуры. Но, с другой стороны, язык есть *среда бытования культуры*, вне которой последняя невозможна; язык – тот *контекст, в который помещена культура*, поскольку все, что делается человеком, невозможно без общения людей на языке слов; без словесного общения невозможен ни один из видов социальной деятельности человека. Говоря метафорическим языком философа-экзистенциалиста Мартина Хайдеггера, *язык есть дом бытия культуры*.

Поскольку само существование языка и культуры невозможно друг без друга и в осмыслении их человеком эти понятия выражаются одно через другое, ошибочно думать (как полагают некоторые студенты), что можно овладеть иностранным языком, не погружаясь в иноязычную культуру. В той же мере многие оттенки культуры становятся доступными лишь по мере овладения языком ее носителей.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем сущность концепции В. Гумбольдта о взаимозависимости языка и культуры?
2. Кто из ученых XX в. развивал идеи В. Гумбольдта?
3. Перечислите аргументы, свидетельствующие в пользу взаимосвязи языка и культуры.
4. Расшифруйте метафорическое определение С.Г. Тер-Минасовой «Язык есть зеркало, орудие и хранилище культуры».